

Высшей формой этой символики является новая традиция перенесения олимпийского огня с его родины в ту страну, где проводятся очередные спортивные игры, выражая стремление к миру широких народных масс.

Примечания

- ¹ Kuhn A. Die Herabkunft des Feuers und des Gottertranks. B., 1859. S. 253.
- ² Харузина В.Н. // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4. С. 68.
- ³ Поршнев Б.Ф. О древнейшем способе получения огня // Сов. этнография. 1955. № 1. С. 7.
- ⁴ Genpér A. van. Mythes et legendes d'Australie. P., s.a. P. 64–83.
- ⁵ Харузина В.Н. Указ. раб. С. 76–77.
- ⁶ Там же. С. 79.
- ⁷ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1968. С. 13.
- ⁸ Богораз В.Г. Чукчи. Ч. II. Л., 1939. С. 54–55.
- ⁹ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 133; Levi-Strauss C. Du miel aux cendres. P., 1966. P. 208, 211.

S.A. Tokarev. Fire symbolism in the history of culture

Within the context of fundamental ethnological approaches Fire can be considered as one of the basic sacral paradigms that served for organising the communal life, as it particularly dealt with cooperation and rivalry, social differentiation between sexes, social control at the levels of clan and lineage structures.

© 1999 г., ЭО, № 5

С. А. Токарев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ, ИХ СМЫСЛ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ*

В любом мало-мальски полном этнографическом описании, посвященном какому-либо народу, видное место, как правило, занимают описания погребальных обычаев. Под последними надо разуместь, конечно, не только способы захоронения как такового (трупоположение, трупосожжение) и относящиеся к ним поверья, а и всевозможные представления о загробном мире, магические обряды и запреты, дары и жертвы, идеи метемпсихоза, обрядовое оплакивание, надгробные памятники, поминальные обычаи, траурную одежду и пр. и пр.

И не только в чисто описательном плане, но и в общеисторическом и теоретическом – факты и идеи, относящиеся к погребальному ритуалу, рассматриваются чаще всего как образцы ранних форм быта и культуры человека. Идет ли речь о ранних стадиях развития религии, мифологии, правовых понятий – необходимые иллюстрации подбираются, в числе прочих, и среди обычаев, связанных с погребальным ритуалом.

Дело доходит до того, что в этнографической и религиоведческой литературе понятия «культ умерших», «культ предков» нередко фигурируют почти как синонимы понятия «первобытная религия». Это можно сказать о таких авторах, как Э. Тайлор (в прежней русской транскрипции – Тейлор), Г. Спенсер, Ю. Липперт, Ш. Летурно, Н.Н. Харузин и многих других, работавших в так называемой эвгемеристской традиции (от имени Эвгемера, греческого писателя IV в. до н.э., считавшего имена богов

* Статья опубликована в журнале «Природа». 1985. № 9.

именами бывших людей, царей и др.). Такая традиция одно время господствовала в науке, да и теперь находит себе сторонников.

Неудивительно, что при всякой попытке осмыслить погребальные обычаи, найти их общий корень и происхождение за основу неминуемо бралась их религиозная сторона – вера в загробную жизнь, в существование души человека после его смерти. «Общий обзор погребальных жертвоприношений на земном шаре, – писал классик эволюционистской этнографии Э. Тейлор, – ясно должен показать, что одна из наиболее обычных побудительных причин в этом случае есть более или менее определенное желание доставить удовольствие умершему. Такое желание порождается либо любовью к покойнику, либо боязнью прогневить его... Возможно, что обычай погребальных жертвоприношений, – продолжал он, – у человека основывался... на неясных понятиях и представлениях...»¹. Итак, погребальные обряды возникли как результат веры первобытного человека в загробную жизнь – к такой простейшей формуле чаще всего сводится решение всей проблемы в этнографической и религиоведческой литературе.

В археологии к этому прибавляется еще одна – частная – задача: связать погребальные памятники определенной территории с теми или иными этническими общностями. Формы неолитической керамики, ее детали, орнамент в погребальном инвентаре, украшения, оружие и т.п. рассматриваются как свидетельства особенностей быта и культуры населения, некогда здесь обитавшего.

И этот последний, частный, круг вопросов, и упомянутый выше более общий вполне законны при исследовании проблемы погребальных обычаев. Но решается ли этим путем вся проблема в целом?

Думается, что нет.

Можно выделить несколько типов человеческих отношений, складывавшихся в ходе исторического процесса. Они бывают групповые (массовые) и индивидуальные, если судить по количеству охватываемых особей, а также материальные (производственные, экономические) и духовные (интеллектуальные, идеологические), если судить по виду деятельности. По отношению к жизненному процессу такие типы определяются как прошедшие, настоящие и будущие.

О прошедших, настоящих и будущих отношениях ученые-гуманитарии пишут много². Но, кажется, до сих пор еще не было прямой попытки соотнести их с основными разделами задач, изучаемых этнографической наукой. А такое соотнесение, как нам кажется, не представляет особых трудностей. Потребность же в нем назрела.

В системе понятий, определяющих общения людей, центральным должно быть понятие **поколения**. Основоположники марксизма придавали ему важное методологическое значение (о чем недавно – очень своевременно – напоминал И.С. Кон). «История есть не что иное, – говорится в «Немецкой идеологии», – как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями»³. Понятие поколения в равной степени относится и к доклассовому, и к классовому обществу. Развивая его, И.С. Кон резюмирует выводы видных зарубежных социологов и историков. Он рассматривает различные оттенки понятия поколения в разных общественных формациях, а равно и на семейном уровне – так, как оно отразилось в современной социологической литературе⁴. Но и он не перебрасывает мостика между категорией поколения и сложной сферой погребальных обычаев. Между тем построить такой мостик не так трудно.

Временной континуум всякой социальной реальности естественно строится по трехчастной схеме: прошлое, настоящее, будущее. В рамках конкретной популяции такое деление может быть представлено тремя возрастными слоями: старшим (стариками), средним (рабочий возраст, взрослые) и младшим (дети, подростки). Нет нужды особо оговаривать, что границы между этими возрастными слоями весьма условны. Но входит ли вся совокупность людей в перечисленные слои? Нет, не входит. Почему?

Потому что в них включены только живущие (в какой-то момент) люди, но не

включены умершие (к определенному моменту); не включены также еще не родившиеся дети.

Между тем умершие (как и еще не родившиеся) члены социального коллектива существуют! Умершие существуют в памяти живых людей, в материальных продуктах и памятниках их труда и творчества, в их идеях, духовном наследстве и, наконец, в официальных документах и списках, в реестрах «мертвых душ».

Сторонники религиозного толкования погребальных обрядов считают образы предков членами религиозными образами. Они во многом правы. Но этот религиозный компонент отнюдь не является обязательным; ведь даже в настоящее время ритуал погребения активных атеистов, свободомыслящих, порвавших с религией, по своей внешней форме не так уж сильно отличается от прежнего погребального обряда, хотя по самому содержанию своему – гражданская панихида и пр. – проникнут совершенно иным, нерелигиозным духом. Надгробные памятники, надмогильные надписи, цветы, венки и вся подобная символика пропитана лишь глубоким духом уважения к умершему, скорбью о потере дорогого и близкого человека – особенно если это касается видного общественного деятеля, носителя высоких идей. Веры в бессмертную душу и в загробный мир тут нет.

Социальное общение в той или иной форме происходит между всеми членами любой конкретной популяции, но не с одинаковой степенью интенсивности. Чаще всего оно происходит внутри того или иного возрастного слоя: взрослые со взрослыми, старики со стариками, дети с детьми. Это выражается также и в наличии специфических связей, присущих только внутриспоколенному общению: таковы детские группы (детсады и пр.), группы школьников, группы молодежи; для среднего возрастного слоя – союзы холостяков, брачные пары, клубы, трудовые коллективы; для группы старых – пенсионеры, инвалиды, античный «сенат». Все эти однородные по возрасту коллективы характеризуются большей или меньшей степенью открытости или замкнутости.

Специфическая форма социальной связи, которая сплачивает одновозрастных членов популяции (детей, брачные пары), может быть названа горизонтальной связью.

Но в каждом обществе наряду с горизонтальными связями существуют вертикальные. Это те отношения, которые стягивают группы (или особей) смежных поколений: например, связи родителей с детьми (парентальные связи), отношения работающих и инвалидов-пенсионеров. Вертикальные социальные связи могут быть гораздо слабее горизонтальных, но они непременно есть – иначе общество распалось бы на взаимно-замкнутые группы. И это одинаково верно как для доклассового, так и для классового общества.

В отличие от горизонтальной связи, которая принципиально – по возрасту – уравнивает своих членов, вертикальная связь строится по принципу резкого неравенства членов, причем возрастное неравенство окрашивается социальным. И это необратимо. Сын никогда не равен отцу, ученик учителю, старейшина рядовому общиннику. От каждого поколения тянется линия вверх, к старшему поколению (восходящая линия) и вниз (нисходящая линия). Расстояния между поколениями могут быть большими (при патриархальном построении общества) или малозаметными (при эгалитарном слое), но принцип здесь один и тот же.

Иерархичность общества не только не исключает принципа взаимосвязанности его частей, но, напротив, именно при вертикальном его членении он становится особенно важным. Впрочем, в любом обществе, особенно в феодально-крепостническом, иерархичность налагает отпечаток и на его возрастную структуру.

При доклассовом – эгалитарном – общественном строе группы поколений могут служить основой общественной структуры, определяя, например, порядок заключения браков.

Что происходит в любой человеческой общине (для примера возьмем эту, наиболее архаичную, форму человеческих коллективов), когда погибает один из ее членов?

Она испытывает в той или иной степени потрясение или – шире – то или иное нарушение равновесия. И чем более социально ценным и полезным для общины был

умерший, тем сильнее нарушено равновесие; если это был старейшина, предводитель, вождь, царь, жрец, может наступить социальный кризис, дезинтеграция.

Отсюда неминуемо, хотя бы неосознанно и стихийно, стремление к реинтеграции, к замещению умершего другим – реально или хотя бы символически равноценным, похожим. Поэтому и возникают символические обряды, ритуалы, связанные с телом умершего, с его вещами, оружием, жилищем. В этом и нужно искать зародыш и первичный смысл погребальных обычаев⁵.

Посмотрим дальше. Люди могут умереть в любом возрасте, даже в детском. Но чаще все же умирают старики. Значит, и те символические действия, даже стихийно возникшие, направленные к реинтеграции, должны происходить чаще после смерти старейшины, вождя, царя, чем после смерти рядового и нестарого члена общины. К тому же это приобретало и более институциональный характер. Поскольку старейшина первоначально выполнял функции вождя, затем царя, то впоследствии такие ритуалы были обращены и на этих лиц, даже если они не были к тому времени стары. Так образуется канва погребальных обычаев.

В советской науке о первобытной истории уже не раз высказывалась мысль, что одним из первичных корней, породивших обычай погребать умерших, было полуинстинктивное чувство социальной связи: оно и побуждало наших древнейших предков зарывать своих покойников в землю, в жилой пещере или как-то иначе сохранять их тело; религиозно-магических представлений вначале не было⁶. Мысль эта, правильная в своей основе, нуждается в уточнении: понятие социальной связи слишком широко и общо. Но если верно все, что выше было сказано о поколениях как о первичной форме социального членения, то всюду, где речь идет о корнях погребальных обычаев, понятие «социальная связь» может быть вполне заменено термином «поколение». Таким образом, выводится формула: основа погребальных обычаев – это отношения между поколениями.

Чтобы лучше оттенить динамический характер этих отношений, можно сказать: погребальные обычаи выражают переход от одного поколения к другому – от старшего к среднему, которое замещает, как общее правило, старшее.

Всему сказанному, казалось бы, противоречит один хорошо известный факт: среди остатков нижне- и верхнепалеолитических захоронений встречаются скелеты и черепа молодых людей и детей (пещеры Тешик-Таш, Ментона, Грот детей и др.). Причем же здесь старшее поколение с его приоритетом в ряду умерших и похороненных?

Противоречие это, однако, мнимое. Оно не опровергает, а, напротив, подкрепляет наш тезис. Ведь отношения между поколениями – старшим, средним, младшим – далеко не просты. Они противостоят друг другу и по социальному статусу, и по выполняемым социальным функциям и ролям в производстве материальных средств существования, и по воспроизводству самого человека. В целом же все эти различия укладываются в трехчленную схему: старшее поколение, как нерабочий возраст, противостоит среднему возрасту, как рабочему, но объединяется с младшим, тоже нерабочим. Младшее поколение противостоит среднему и старшему: как небрачное брачным. Таким образом, если оставить в стороне индивидуальные отклонения, для людей среднего возраста, т.е. для полноценного актива всей популяции, старшее и младшее поколения – «не-наше» поколение. Отношения к ним – это отношения к «другому».

Такое сходство социального статуса и социальных функций вполне естественно отразилось на погребальном ритуале. Множество этнографических примеров подтверждают сходство погребений стариков и детей. Только, когда речь идет о захоронении детей, побудительным мотивом ритуала погребения является не почтение к влиятельному человеку, а материнская любовь и забота. Недаром все умершие «естественной» (ненасильственной) смертью назывались в русском народном языке, независимо от пола и возраста, «родителями»⁷.

А как же религиозные верования, связанные с погребальными обычаями? Им принадлежит видное место в погребальном ритуале, но не первичное, а производное.

Поверья о душе и ее посмертной судьбе, о загробном мире, постепенное развитие этих представлений от элементарной и стихийной боязни «нечистого» покойника («живой мертвец») вплоть до идей о слиянии души человека с мировой душой – лишь субъективные формы метафизического осмысления объективного и реального факта, отражающего формы отношений между человеческими поколениями.

Особенно ярко выявляется связь погребальных обрядов с верованиями в тех обществах, где наиболее полно сохранился архаический общественный уклад, например у аборигенов Австралии. Лучший знаток их быта А. Элькин дает детальнейшее описание вариантов похоронного обряда, связанного с возрастнo-половым членением и социальным статусом разных племен: как хоронили грудных детей, ребят постарше, «непосвященных» подростков, «полнопосвященных», мужчин, глубоких стариков и старух и др. При этом ритуал захоронения младенцев и престарелых был одинаково простым, в противоположность «мужам во цвете лет»⁸.

Религиозные представления больше, чем что-либо иное, служили стимулом для дальнейшего развития погребальной обрядности. Они приводили к тому, что многие поверья и сопутствующие им ритуалы принимали у многих народов жесткие, порой уродливые формы: изуверские самоистязания родственников умершего, самоуродование, тягостные запреты, суровый обет молчания, преувеличенные требования траура, касающиеся главным образом вдовы, индусские «сутти» (самосожжение вдовы на погребальном костре мужа) и пр. Мотивировали подобное тем, что этого-де требует ушедший в мир иной, иначе он разгневется.

Религиозный компонент, однако, отнюдь не обязателен в похоронном ритуале – особенно когда речь идет о патриархальном обществе. А в ходе общей секуляризации быта религиозные традиции все более отходят на задний план и под конец могут исчезнуть совсем.

Но такое сокращение религиозных элементов в погребальной обрядности отнюдь не ведет к обеднению самой обрядности. Она покоится, как мы уже знаем, на более прочной основе, на основе здоровой и неодолимой потребности в социальной интеграции (или реинтеграции), в закреплении связи между поколениями. Уточним этот тезис.

Речь идет о понимании корня (основы) погребальных обычаев. Именно об основе, а не об их содержании. Это содержание может быть крайне разнообразным, со временем оно могло далеко отойти от своей основы. Нетрудно показать, что какой-либо жертвенный похоронный обряд, траурный знак или похоронный марш не имеет прямой связи с поколенной структурой общества; но последняя служит глубокой социальной основой всех и всяческих обычаев из области похоронных обычаев, без чего им нельзя дать полного и удовлетворительного объяснения.

Итак, повторим: погребальные обычаи суть форма общения между человеческими поколениями. Точнее, между живыми и мертвыми, между людьми (в большинстве случаев) старшего и среднего поколений. Однако единственная ли это форма связи между поколениями? Конечно, нет. Преобладающая ли это форма связи? Тоже нет. Ведь религиозные (мистические, воображаемые) связи существуют только для верующих, более того – для приверженцев какой-либо одной веры. Однако можно выделить по крайней мере еще две формы связи: культурную и генеалогическую. Из них первая играет огромную роль, и на ней основана, как указывал еще К. Маркс, в сущности вся традиционная культура человечества. Здесь действует жесткий закон отбора: далеко не все достижения прежних поколений вошли в культурный фонд мировой цивилизации. Что же касается генеалогических связей, т.е. родословных, то они сохраняются в наше время в очень немногих семьях, преимущественно в аристократических – там, где сохранилась аристократия. В основном люди знают имена своих предков до 5–7 поколения. Только кочевые народы нередко хранят в памяти 10–12 имен предков, с которыми у них связаны многие легенды.

От этих форм связи поколений погребальные обычаи отличаются тем, что они касаются всех без исключения. Они могут быть скромными или пышными, торжест-

венными; но в той или иной мере все члены популяции (общины, семьи, народа) хотя бы несколько раз в жизни участвуют в погребальном ритуале. Разные формы связей поколений при этом не противопоставлены, а дополняют друг друга.

Все вышесказанное вызывает необходимость оценить традиционную погребальную обрядность с общеисторической точки зрения: здоровое ли это явление в жизни общества и в современном быту? Или это вредный пережиток прошлого? Бесспорно первое, ибо отражает уважение к памяти умершего. Почему ритуальная трапеза (поминки, тризна) устраивается в определенные сроки – на 40-й день, в годовщину, это уже другой вопрос. Во всяком случае, участие в таких поминках не бросает ни малейшей тени на социальное поведение атеиста.

Примечания

¹ См.: Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 292–293.

² См. весьма содержательные, близкие по проблематике статьи: Бестужев-Лада И.В. Развитие представлений о будущем: первые шаги. (Презентизм первобытного мышления.) // Сов. этнография. 1968. № 5. С. 123; Файнберг Л.А. Представление о времени в первобытном обществе // Там же. 1977. № 1. С. 128; Кон И.С. К проблеме возрастного символизма // Там же. 1981. № 6. С. 98 и ряд других.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44–45.

⁴ Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная буржуазная наука. Л., 1979.

⁵ Эту мысль удачно развил (на материале скандинавских погребений) в своей кандидатской диссертации «Погребальный культ языческой Скандинавии» (М., 1975) археолог В.Я. Петрухин.

⁶ См.: Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 163–167; История первобытного общества. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 386–388.

⁷ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Ч. 1. Пг., 1916.

⁸ Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952. С. 237–243.

S. A. Tokarev. Funeral rites, their meaning and origins

The primary meaning of the funeral rites is to organize the real and sacral interrelations between generations, exactly between the living and the dead.